

Д В А М И Р А

2. Моя фамилия Робсон

Из моего окна в московской гостинице слышны кремлевские куранты. Всякий раз, когда мне удается бывать в Москве, я провожу целые часы на Красной площади. Трудники всех стран и народов мечтают побывать на этом легендарном месте земного шара, где покоится Ленин, где рядом, за кремлевскими стенами, живет и работает лучший друг народов мира, великий вождь трудящихся Сталин.

Есть книга, которая произвела на меня необычайное впечатление, хотя это не роман и не пьеса. Это — Сталинская Конституция.

Сталин очень много сделал для русского народа, для всех наций Союза, для всех трудящихся людей земли.

Я прислушиваюсь сейчас к перезвону старинных часов кремлевской башни, и мне вспоминается шумная Красная площадь в часы военных парадов и народных демонстраций. Когда я сидел на трибуне в числе приглашенных, мне хотелось поскорее рассказать своим друзьям — уэльским шахтерам и батракам-неграм — о величии и силе советского государства. В эти часы я снова и снова продумывал свою будущую жизнь.

Все виденное мной в Советском Союзе подсказывало мне единственно верный путь. Я готовился к долгой и трудной борьбе за счастье простых людей.

Я вспоминаю Красную площадь и необычайно тихой, когда тишина ее нарушается только редкими гудками машин. Часто, очень часто я прислушивался к этой тишине, к бою часов, оповещающих о том, что начинается новый день. И вместе со множеством людей, настроивших свои радиоприемники на московскую волну, я с вол-

нением внимал звукам и словам торжественной песни, вселявшей надежды в сердца угнетенных.

Я часто пел и пою эту песню. Я пел ее на всех континентах. Но с особенным волнением я вспоминаю, как звучала она в Испании, где слушателями моими были бойцы-республиканцы и солдаты интернациональных бригад. Здесь, в Испании, был дан первый бой фашизму — фалянгистам Франко, нацистам Гитлера, чернорубашечникам Муссолини. «Чтобы он не пришел в ваш дом, вы обязаны сражаться с его наемниками повсюду», — так начинал я на митингах свои речи в те годы. И снова и снова повторял, что и мастерам искусств не укрыться от нацистской чумы в «башнях из слоновой кости». Те, кто в те годы проповедовал чистое искусство, «искусство, не замутненное политикой», служили фашизму, предавали свои народы, помогали врагам свободы и демократии.

Искусство — наше оружие, — говорил я. Моим оружием был голос. Огромным счастьем для меня было петь для лучших людей всех стран, пришедших на помощь своим испанским друзьям. Я радовался тому, что на полях чудесной страны сражаются лучшие люди той Америки, которую я люблю, Америки простых людей. Я испытал гордость за солдат батальона Линкольна в тот час, когда услышал, что Сталин считает борьбу республиканцев делом всего прогрессивного человечества. Я осознал себя солдатом великой армии.

Там, в Испании, я впервые ощутил, какой силой может быть единый фронт людей, решивших противостоять агрессорам. Ощущение это с новой силой возникало во мне и в те дни, когда я следил за Пражским фестивалем молодежи, и в те дни, когда я выступал на исторических заседаниях Парижского конгресса мира.

Я прошел длинный и тернистый жизненный путь и очень хорошо знаю по себе, как относятся к простому человеку в мире, обожествившем деньги и втоптавшем в грязь человеческое достоинство. Трудящийся человек — это звучит гордо в Советском Союзе. В США рабочий или крестьянин — действительно ничто.

Моя фамилия Робсон. Но это не моя фамилия — это фамилия тех шотландцев-плантаторов, которые владели рабами на юге Америки. Еще мой отец был рабом у семьи Робсон. В 1858 году он бежал на Север. Позже он принимал участие в войне Севера и Юга, оружием добиваясь отмены унижающих законов рабовладельцев. Отец мой изо всех сил старался вывести в люди единственную дочь и пятерых своих сыновей, из которых я был самым младшим.

Мне с трудом удавалось посещать школу. Я был без сапог, нехватало денег на самую необходимую одежду. Вместо каникул я все лето батрачил на ферме, чтобы иметь возможность учиться зимой.

Для того чтобы окончить школу, мне нужно было повседневно думать о насущном хлебе. Одно время я бегал от столика к столику кафе в качестве официанта. Потом работал грузчиком, сгибался под тяжестью товаров на железнодорожной станции или в порту.

Участь на юридическом отделении университета, я зарабатывал деньги на футбольном поле. Там я своими глазами увидел изнанку буржуазного спорта. Увидел черты, характерные для него и понинье. И заправили боксерских рингов, и хозяева футбольных клубов, и владельцы стадионов думают только о наживе, превратив и спорт в отрасль бизнеса. Куда им до заботы о физическом развитии народа!

Я много раз бывал там, где мой отец гнул спину, в поте лица работая на своего хозяина. Прошло сто лет, но немного изменилось в тех краях. Мои двоюродные братья живут так же, как жили их отцы век назад. Так же они должны уступать дорогу белым, сходя с тротуара на мостовую и низко кланаясь. Правда, их отцы не знали, что такое трамвай и что будут

в этих трамваях особые вагоны для цветных. Не знали они, что такое кино и что в этих кино будут особые загородки для чернокожих.

Такова национальная политика в стране, где царят заповеди Уолл-стрит.

Покинув университетскую скамью, я вскоре столкнулся с тем, что творится в мире так называемого свободного искусства США.

В 1924 году я дебютировал на сцене небольшого театра в негритянском квартале Нью-Йорка — Гарлеме. Обо мне стали писать в газетах как о восходящей театральной звезде. Чуть позже я стал выступать как певец, исполняя главным образом негритянские народные песни. И как певцу мне сулили большое будущее.

Однако вскоре я как драматический актер остался без работы, как и многие мои молодые товарищи по сцене. Для меня не было ролей — ведь я мог играть только негров.

Я остался один: никого не волновало, куда закатилась восходящая театральная звезда.

Этот период моей жизни я вспомнил снова недавно в Москве, после одного из моих выступлений. У выхода меня обступила группа студентов Московского университета. Они спрашивали меня наперебой: «Правда ли, что вы будете петь партию Бориса Годунова в Большом театре?» «Не сыграете ли вы Отелло?» Они угадали мою мечту. У советских актеров все мечты сбываются. В России каждый национальный актер может играть самые разнообразные роли, и никого это не удивит и тем более не возмутит.

В «свободной» Америке я в те годы был, действительно, свободным. Я был свободен от работы, свободен от денег и почти свободен от квартиры. Ведь нельзя же было всерьез назвать квартирой ту крохотную комнатнушку, в которой ютились мы с женой.

Число безработных актеров в Америке непрерывно росло. Постоянных театров нет, и в те годы я не видел впереди никакой надежды на лучшее будущее. Кругом свирепствовал жестокий экономический кризис.

Это был 1929 год. Сейчас — 1949 год, а положение актеров попрежнему печальное. Восемьдесят процентов из них не имеют работы. Америка стоит сейчас перед лицом нового экономического кризиса. Катастрофически раздуты цены на предметы первой необходимости. Жизнь среднего американца с каждым днем становится все более трудной.

В 1929 году моя семья переехала в Англию. После этого я только наезжал в Америку. Вот и статуя Свободы. Я снова на берегу Америки. Изображение этой знаменитой статуи вы можете увидеть повсюду в Америке, в том числе и на фильмах фирмы «Колумбия». Если бы мисс Свобода, которая, к сожалению, повернулась спиной к Америке, знала, что творится в Голливуде — столице американского кино, вероятно, она немедленно потребовала бы снять свое изображение с фирменной марки.

Я до сих пор жалею, что снимался в голливудских фильмах. Начиная с фильма Гриффита «Рождение науки», в Голливуде стала традицией шовинистическая пропаганда. Мне казалось тогда, что режиссеры этих фильмов хотят помочь неграм, хотят привлечь внимание к их страданиям. На проверку выходило, что их помыслы были направлены совсем в другую сторону. Бывало и так, что контракт заключался до того, как я ознакомился со сценарием, и потом я вынужден был играть против своей воли. Если бы я смог выкупить сейчас все те фильмы, в которых я играл, я бы сделал это немедленно, не задумываясь.

В 1939 году я вернулся в Америку. Снова передо мной на фоне небоскребов выросло засыпанное каменное изваяние статуи Свободы. А я вспоминал другую статую, виденную мною у входа в советский павильон на Парижской всемирной выставке: рабочий и колхозница с серпом и молотом, устремившиеся вперед — в будущее. Будущее было за советскими людьми, за стойкими борцами с фашизмом. Об этом я решил рассказать своим американским друзьям.

(Окончание следует).